

тогда накатывает. А во время работы не до грусти, не до тоски.

Никто туда не едет из-под палки, никто не едет страдать. Никто про поисковую работу не скажет: «Опять вахта...» Все туда едут, потому что получают удовлетворение. В момент поднятия останков, конечно, чувствуешь радость, и сразу появляется второе дыхание. Ты должен всё быстро и правильно зачистить, поднять и обязательно найти медальон. Чтобы его найти, начинаешь вручную совочками искать – уже неважно, что ты делаешь это из последних сил, должен докопать, даже когда солнце село.

Были случаи, когда притащивали фонари, натягивали тент от дождя и полночи сидели в яме, потому что нельзя оставить недокопанной. Надо докопать, обязательно. А потом бывает так: нет медальона. Тут, конечно, разочаровываешься. Но с другой стороны – нашёл же! Значит, всё не зря.

– Сколько у вас сейчас молодых?

– Всего нас сейчас около четырёхсот человек по области, из них молодых – больше половины. Но держится всё, конечно, на опытных. Есть несколько перспективных ребят, на которых можно будет оставить своё дело.

Ребят, которые действительно загораются этим делом, сразу видно: они понимают, что делают. А у других пустые глаза. Многие до сих пор путают элементарные термины. Вместо: «Великая Отечественная война» у школьников почему-то «Вторая мировая война». Великая Отечественная – часть Второй мировой. А для молодых это одно и то же. Некоторые путают, где Ленинград, где Сталинград. Не знают, где этот Сталинград. Это печально. Наша задача – патриотическое воспитание молодёжи. Мы стараемся на вахтах, встречах, форумах последовательно объяснять: «Ребята, мы работаем не для галочки, вас никто не заставляет. Не нравится – уходи, ищи себя в другом».

А есть которые радеют. Иногда сидишь в 11 вечера, изучаешь карты, и тут сообщение от молодого. Пишет: «Я вот сейчас сижу,

смотрю, а тут то-то и то-то, может, надо вот это сделать?» Думаешь: здорово! Значит, человек занимается этим не по принуждению, а потому что хочет. Да, есть золотые ребята.

– Как вы выстраиваете отношения с молодёжью?

– Не надо перевоспитывать никого. Надо своим личным примером показывать, что хорошо, а что плохо. Не надо никому ничего навязывать. Не нравится? Пожалуйста! Если ты будешь говорить человеку, что надо любить Родину, знать даты Сталинградской битвы, сколько человек погибло под Курском, сколько дней длилась блокада Ленинграда, а сам не знаешь, – это глупо.

С молодёжью работать тяжело. Иногда сами бесимся: ну как можно быть таким? Но надо перетерпеть. Передача своих ценностей следующим поколениям – это, наверное, главное, что потом останется. Будут они беречь эти ценности или нет, не знаю.

– Белорусские коллеги отличаются от российских поисковиков? Может, у них другие подходы?

– У них организация работы другая. У нас поисковое движение очень сильно развито – это и плюс, и минус. Плюс в том, что большой объём работ выполняется круглогодично. Мы можем прямо сейчас сесть в машину и поехать копать. Естественно, нужно соблюсти юридические

нюансы, но принципиально это возможно. В Беларуси мы так сделать не сможем – там всё строго.

Минус нашей системы в том, что очень много чёрных копателей, много тех, кто ездит копать чисто по металлу. Есть много людей, кто копает «по гансам» – по немцам. Под видом поисковиков, ищущих красноармейцев, едут копать дивизию СС «Мёртвая голова», потому что очень нужны их награды, чтобы потом продать. Таких у нас тоже полно.

В Беларуси таких гораздо меньше. Но у них и поисковиков гораздо меньше. Недавно мы наткнулись на неофициальный перечень: на всю страну четырнадцать поисковых отрядов. А у нас в одной Ульяновской области столько! И в Беларуси выполняют очень маленький объём работы, копают буквально месяц в году. Это огромный минус, потому что всё истончается, гниёт и распадается. Очень много за эти годы было упущено.

В Беларуси объём работ очень маленький в силу их законодательства. У нас можно вести разведательные работы: нашли карту, отработаем, посмотрим позиции, вылезем, ищем. У них нельзя поднимать останки, эксгумировать без сопровождения военных, а у нас можно.

Поисковое движение России забывает протоколы раскопок, протоколы эксгумации, вся ответственность на поискови-

ках. В Беларуси этим занимается 52-й отдельный батальон. Когда мы туда ездим, в феврале подаём письмо: «Разрешите въезд». Управление по увековечиванию отвечает: «Можно, даты определим позже». Потом они сообщают даты, мы приезжаем. Нас встречают местные поисковики и два-три человека от батальона, военные ребята. Мы отработываем только те места, которые заранее согласовали. После этого они уезжают в часть, а мы возвращаемся домой. Весь год, считай, пропал – всего две недели или месяца работы.

У них бывает так: ребята в лесу ищут металлолом, копают трактором, чтобы сдать в пункт приёма, и вдруг видят человеческую руку. Этот «чернокоп» знаком с кем-то из поискового отряда, звонит: «Слушай, вот тут точка, забирайте, отработывайте. Мне тут ничего не надо, я тут металл собираю, всего хорошего». Если бы не этот «чернокоп», эту точку никогда бы никто не нашёл.

У нас тоже есть такие. Но бывает и наоборот: перекопают, выберут все ценные вещи, закидают обратно – и больше никто никогда не узнает, кто там лежал. Никаких имён уже не установишь.

– Вы награждены знаком отличия в поисковом движении третьей степени. Что для вас означает эта награда?

– Приятно, конечно, что твои заслуги отмечают, хотя мы эти награды очень редко носим. Когда нас зовут на мероприятие 9 мая, мы никогда не наденем – стыдно. Но бывают случаи, слёт поисковиков например, – там можно. Сразу видно: у человека все три степени – значит, его есть за что уважать.

Мне третью степень дали на шестой или седьмой год работы. Медали третьей, второй, первой степени выдаются от Министерства обороны, они считаются ведомственными. Приказ о награждении подписал ещё Шойгу, когда был министром обороны.

Я по-честному этим занимался, не ради награды. Сейчас 80 лет со дня Великой Победы, по сути, наш год. Год патриотиче-

ской деятельности. И про нас сейчас заговорили.

– Какие советы вы могли бы дать молодому поисковику?

– На самом деле нет никаких советов. Просто надо задать вопрос: «Ты здесь зачем?» Пусть ответит, и сразу всё станет понятно. Можно дать совет: не трогай то, что не знаешь, чтобы пальцы не оторвало. Не бей лопатой по непонятым железкам. Копай аккуратнее. Это чисто бытовые советы. Из моральных – относись к поисковой работе с уважением. Бывают моменты, когда молодые поисковики не понимают важности происходящего. Например, на церемонии захоронения объявляется минута молчания, все снимают головной убор, стоят с опущенной головой. А эти ребята в чёрных куртках, синих джинсах с голыми щиколотками... Они просто не понимают, зачем приехали на захоронение. Никакого уважения к погибшим.

Ты должен понимать, зачем пришёл, иметь какие-то моральные принципы, относиться к работе с уважением. Почти все бойцы, которых мы находим, были младше нас.

– Какими качествами должен обладать человек, который решил стать поисковиком?

– Наверное, упорством. Поиск – это же не только полевые экспедиции, когда ты ямы роешь. Это движение по увековечиванию памяти. У нас очень много работ, которые связаны именно с увековечиванием: проведение уроков мужества, установка памятников, работа с архивами.

Ты должен быть усидчивым, скрупулёзно работать. Когда ты устанавливаешь судьбу бойца, работаешь с базой данных «Память народа», выясняешь фамилию, воинскую часть, и у тебя возникают сомнения, ты не можешь сказать: ладно, и так сойдёт. Иначе можно уйти совершенно в другую сторону, найти другого человека. У нас были такие случаи, когда привозили хоронить, а потом выяснялось, что это не он. Только потому, что поисковик где-то не досидел, не перепроверил. Он должен постоянно во всём сомневаться, критически мыслить.

Всё нужно ставить под сомнение и обязательно перепроверять. И ещё нужно обладать таким качеством, как стрессоустойчивость.

– Как ваша семья относится к этой работе?

– Если сильно упростить, отношение приемлемое. Конечно, я жену прекрасно понимаю, но делаю вид, что не понимаю. На самом деле жёны поисковиков, конечно, молодцы. Но есть примеры, когда они могут так задушить в тылу, что человек завязывает с поиском. Я считаю, что жёнам закоренелых поисковиков тоже можно выдавать какие-нибудь медали за терпение и поддержку.

В любых семейных ситуациях надо находить компромиссы. Это относится не только к поискам. Есть ведь и другие увлечения: кто-то в футбол играет, кто-то в оркестре. Есть обычная жизнь, и где-то посередине должен быть компромисс.

Но большая часть моей жизни – это поиск. В любом виде: готовлю ли я документы, планирую ли экспедиции, еду ли в поле. Сейчас поиск занимает больше времени, чем работа, и выходит на первый план. Ты попал в эту воронку – всё, оттуда не вернёшься, разве что по состоянию здоровья... Вся жизнь теперь – это поиск.

Работа поисковиков – больше чем просто поиск останков и работа в архивах. Это важная человеческая миссия: вернуть память о солдатах, ушедших на войну, восстановить право каждого воина быть названным по имени и не быть забытым; наконец, восстановить долгую связь поколений, прерванную войной.

Пока есть такие люди, как Сергей Вдовин, память о войне не станет лишь датами в учебниках. Она будет жить в фамилиях и именах, высеченных на мемориалах, найденных письмах, которые так и не были отправлены, личные вещи красноармейцев. А сколько воинов ещё ждут своего поисковика... Война не окончена, пока не похоронен последний солдат.

С Сергеем Вдовиным беседовал
Алексей Николаев